

ДМИТРИЙ ДЬЯКОВ

ЛИЧНОСТЬ В ОРИГИНАЛЕ И В ПЕРЕВОДЕ

Сегодня в Германии Ганна-Мария Браунгардт – одна из ведущих переводчиков современной русскоязычной литературы. Благодаря ей немецкие читатели смогли познакомиться с произведениями Даниила Гранина, Бориса Акунина, Сергея Каледина, Фридриха Горенштейна, Наума Ефремова, Олега Постнова, Юлии Кисиной... Ну и, конечно же, с прозой Людмилы Улицкой и Светланы Алексиевич, которых сама переводчица считает не только главными своими авторами, но и подругами.

Во всех интервью, которых – в связи с присуждением С. Алексиевич Нобелевской премии по литературе – frau Браунгардт дала за последний год в своей стране немало, она неизменно подчеркивала: любовь к русской литературе у нее воспитали на филфаке Воронежского университета, который Ганна-Мария окончила в 1980 году.

ПО ПУТИ К ИЗБРАННОМУ

Ганна-Мария Греезе (так её звали при рождении) появилась на свет в небольшом промышленном городке Криммитшау, расположенном на земле Саксония, в семье театральных актеров. В доме, где прошло её детство, была большая библиотека. Детских книг в ней, впрочем, почти не было, поэтому мама с самого раннего возраста читала дочери рассказы Томаса Манна и Германа Гессе. А однажды на Рождество родители преподнесли Ганне-Марии роман Толстого «Война и мир» на языке оригинала. Тогда девочка училась уже в 8-м классе, в Берлине, в школе с расширенным преподаванием русского языка. Великий роман дался ей тяжело: приходилось постоянно заглядывать в словари – не только в русский, но и французский, на котором, как известно, написаны некоторые страницы «Войны и мира». Зато после этого она уже легко смогла прочесть Горького, ни разу не заглянув в словарь...

Однако в своих детских мечтах Ганна-Мария видела себя почему-то физиком-ядерщиком, работающим в Советском Союзе. Впрочем, очень быстро выяснилось, что математика – не её стихия. Девуш-

ку все больше и больше привлекает русский язык. В 1972-м она втайне от родителей приняла участие в общегосударственной олимпиаде по этому предмету и неожиданно заняла второе место. Награда – поездка в Москву...

Позже Ганна-Мария вспоминала: «Та поездка, а также отношение в нашей школе к советским преподавателям разбудили во мне желание учиться в Советском Союзе. И я была счастлива, когда в одиннадцатом классе мне предложили поступить в институт, где готовили к учебе за границей».

В то время лишь немногие студенты из ГДР получали возможность учиться за рубежом – при этом исключительно в братских социалистических странах. Традиционно изучать математику избранных посылали в Польшу, а, к примеру, стоматологию или экономику – в Венгрию... В СССР отправляли тех, кто в будущем должен был стать либо школьным учителем, либо юристом.

В институте, где готовили к учебе за рубежом (он назывался рабоче-крестьянским факультетом и располагался в Галле), Ганна-Мария познакомилась с Франком Браунгардтом. Молодые люди полюбили друг друга, но их почему-то направили на учебу

Ганна-Мария (слева) со своим молодым мужем Франком Браунгардтом и студентами из ГДР Эвелин и Клаусом Майстерами у входа в университетское общежитие № 3. Ноябрь 1976 года

В советском колхозе на студенческой картошке. Сентябрь 1976 года

в разные города Советского Союза: Ганна-Мария оказалась на филфаке Ростовского университета, а её возлюбленный – на юрфаке ВГУ. Целый год молодые люди прилагали все силы, чтобы оказаться в одном городе. Это удалось сделать, лишь когда они поженились после первого курса. В результате с сентября 1976 года Ганна-Мария Браунгардт была переведена на филологический факультет Воронежского университета.

«В ВГУ я провела несколько прекрасных лет, о которых охотно вспоминаю», – говорит она сегодня.

А вот строки из её студенческой характеристики, написанной в те годы куратором группы и хранящейся ныне в архиве ВГУ: «Ганна – студентка из ГДР, но её не сразу отличишь от русских студентов. Прекрасно говорит по-русски, участвует во всех делах группы, дисциплинирована, обладает чувством ответственности. Учится успешно. Занимается научной работой. Среди товарищей и преподавателей пользуется авторитетом».

«МЫ ИСКРЕННО РАДОВАЛИСЬ ЖИЗНИ»

Сегодня Ганна-Мария живет в самом зеленом районе немецкой столицы – местечке Берлин-Панков, в уютной квартире с огромной библиотекой, где помимо художественной прозы русских писателей есть и 50 черных томов Большой советской энциклопедии и различные словари русского языка... Рассказывая о её кабинете, немецкие журналисты особенно ярко повествуют о великолепном китайском сервизе с драконами, из которого фрау Браунгардт поит гостей своим любимым чаем...

Наш же диалог с ней носил исключительно виртуальный характер: мы общались с помощью интернета.

– *Насколько в Воронежском университете в советское время ощущался «дух свободы» – один из неизменных признаков студенческого сообщества в любые, даже самые мрачные политические времена?*

– Начну с того, что атмосфера в Воронеже во второй половине 1970-х годов была не столь политизированной, как в ГДР. К примеру, мы, немецкие студенты, относились ко всякого рода «общественной работе», как правило, довольно ответственно, а мои русские сокурсники смотрели на неё, как на что-то абсолютно формальное, нетворческое, казенное. Не было той «идеологической серьезности», которую я постоянно чувствовала в среде своих соотечественников. Во всяком случае, в нашей четвертой группе филологического факультета я ощущала себя вполне свободно. Никто не давал каких-либо политических установок, на вечеринках мы открыто пели песни Окуджавы и Высоцкого, частушки собственного сочинения о работе в колхозе и разных событиях университетской жизни, высмеивая в них любое проявление тупости, в том числе и бесконечные пустые разговоры на партийных съездах... И ещё – мы совершенно искренне радовались жизни.

Впрочем, некоторые казусы идеологического характера всё же случались. Помню, как накануне Пасхи немецкие стажеры выпустили праздничную стенгазету и повесили её в коридоре филфака. При этом Пасха описывалась там не столько как праздник религиозный, а скорее, как весенне-народный.

В комнате студенческого общежития

Ганна-Мария с сокурсницами по филфаку ВГУ.
1980 год

Но поскольку это была Пасха и в газете были нарисованы крашеные яйца, секретарь парткома приказала немедленно газету эту убрать...

Вполне критическими были у нас лекции по советской литературе, в том числе когда мы обсуждали тему революции в литературе или творчество таких официальных партийных классиков, как Горький и Маяковский. Куратор нашей группы Ирина Васильевна Хлебостроева на семинарах требовала от нас не идеологической преданности, а прежде всего самостоятельного мышления.

И занятия в студенческом научном кружке при кафедре советской литературы всегда превращались в оживленный обмен мнениями по поводу литературных новинок из толстых журналов. Именно там я и получила основные навыки анализа литературы, не говоря уже о том, что просто очень много читала и была в курсе современного литературного процесса. Всё это мне очень пригодилось позже, в редакторской работе в берлинском издательстве «Volk und Welt».

– А как бы вы оценили глубину общекультурных знаний, которые давали в Воронежском университете в те годы?

– Преподаватели, конечно, были разные. Некоторые вполне довольствовались формальными ответами на экзамене, и поэтому достаточно было вы зубрить билеты и запомнить ответы на «коронные» вопросы, которые передавались студентами от поколения к поколению. Но в целом объем знаний был довольно большим. Я не училась в немецких университетах, но знаю, что там не было такого количества книг для обязательного чтения – ни по зарубежной, ни по русской литературе.

Если говорить о конкретных преподавателях, то помню впечатление исключительной интеллигентности, которое произвела на меня Алла Борисовна Ботникова, её культурную речь. Немецкую литературу она знала гораздо лучше, чем я.

Кстати, преподаватели кафедры зарубежной литературы вообще выделялись большой образованностью и независимостью суждений. Помню категорическое заявление Татьяны Львовны Гуриной, что, не зная Библии, невозможно понять большую часть мировой литературы, да и живописи. Библия, по её словам, – основа, совершенно необходимая филологу. Довольно смелое для советского времени (когда Библию-то практически невозможно было купить) высказывание.

– Что в Воронеже стало для вас открытием – тем, с чем в Германии вы до этого не сталкивались?

– Мне трудно ответить на этот вопрос. Так совпало, что студенческие годы в Воронеже были и годами моего человеческого взросления. А в этот период каждый открывает для себя многие явления, с которыми до этого никогда не сталкивался. Но вот одно помню хорошо. Я почти сразу испытала растерянность и смятение от непохожести реальной жизни в Советском Союзе на ту радужную картинку, которую рисовала официальная пропаганда в ГДР и в которую я тоже верила. Прежде всего это касалось быта. В СССР жили, в общем-то, беднее, чем в ГДР.

– Существует ли для вас, как филолога, такое понятие – «воронежская литература»? Знакомы ли вы с творчеством кого-либо из наших местных писателей? И вообще, что такое для вас литературный Воронеж?

– В этой теме, увы, у меня почти полный провал. Помню, был спецкурс по местной литературе, помню Кольцова и Никитина (скорее, по памятникам им в городе, чем по их произведениям), да ещё Тропольского и его повесть «Белый Бим Черное ухо», вот и всё. О Платонове и Мандельштаме тогда не говорили – думаю, теперь положение изменилось.

А вот понятие «литературный Воронеж» мне, честно говоря, довольно чуждо. Оно звучит как-то узко и провинциально. Наверное, можно говорить о «Воронеже в литературе» – у того же Платонова и Мандельштама, о «воронежских авторах в российской литературе»... Но если они замечательны только тем, что они «воронежские», а не собственно качеством своих произведений, то эти писатели, скорее всего, интересны не столь широкому кругу читателей.

– А вот в России сегодня появилась мода на такое явление, как региональные тексты. Сначала заговорили о «петербургском тексте», потом – о «московском», а дальше – прямо по карте: «воронежский текст», «тамбовский», «орловский»... На вашем родном филфаке ВГУ уже трижды состоялись научные конференции по этой проблеме. В прошлом году в наш город приезжали писатели из Санкт-Петербурга, и мы с ними долго спорили о том, куда после постмодерна будет двигаться отечественная литература. И как-то сошлись на том, что именно в региональные контексты...

– С вашей модой на региональные тексты я столкнулась в прошлом году в Красноярске, в русско-немецкой мастерской для переводчиков. Нам на эту тему читала лекцию преподаватель местного университета, и, честно говоря, всё, что она приво-

дила в защиту этого понятия, мне показалось малоубедительным и действительно провинциальным. Говорилось о «святости» природы и других подобных вещах... Понятно, откуда такая тенденция – это поиск своих корней, особенно после распада Союза, сознательный уход от всепоглощающей глобализации. Но меня такая тенденция к региональности, скорее, настораживает. Литературная ценность, по-моему, определяется все-таки другими критериями.

«ЛЮБИМАЯ МОЯ ТЕМА – ЧЕЛОВЕК»

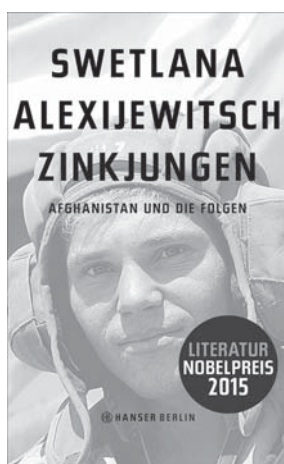
Переводами фрау Браунгардт занимается более половины своей жизни. Когда восточногерманское издательство «Volk und Welt», где она работала редактором, перестало существовать, литературный перевод стал её главной профессией.

– Современная русскоязычная проза весьма разнообразна, поэтому моё отношение к ней отчасти вкусовое, – сообщает мне Ганна-Мария. – Постмодернизм и фэнтези я воспринимаю хуже, особенно, когда чувствую за ними одну лишь авторскую игру в форму. Мне больше по душе литература о человеке и для человека...

Первой книгой, вышедшей в Германии в переводе Г.-М. Браунгардт, была повесть Сергея Каледина «Смирненное кладбище». Это произошло в 1991 году. Потом её переводы стали появляться по нескольку раз в год. В 1994 году она впервые перевела Людмилу Улицкую. Цикл рассказов «Девочки». Немного позже – первую книгу Светланы Алексиевич – «У войны не женское лицо». Сегодня, благодаря Ганне-Марии, творчество двух этих писательниц известно немецким читателям в полном объеме. Кста-

Ганна-Мария Браунгардт – ведущий переводчик современной русскоязычной литературы в Германии. 2015 год

Книги С. Алексиевич, вышедшие в Германии в переводе Г.-М. Браунгардт

Светлана Алексиевич и Ганна-Мария Браунгардт. Германия, 2015 год

ти, Германия в этом выборе не одинока: и Улицкую, и Алексиевич широко переводят практически на все европейские языки. А в 2015 году Светлана Алексиевич, как известно, была удостоена Нобелевской премии по литературе за «многоголосное творчество – памятник страданию и мужеству в наше время».

Я спросил Ганну-Марию: почему, на её взгляд, в сегодняшней Европе так востребовано творчество именно этих двух авторов? Что такого уникального книги Улицкой и Алексиевич сообщают миру о России XXI века?

– Это как раз те самые авторы, которые пишут на любимую мою тему – о человеке и для человека. Литературные средства у них абсолютно разные, но объединяет их «общий фон», на котором разворачиваются сюжеты их произведений. И Людмила, и Светлана рассказывают о человеческих судьбах в советское и постсоветское время.

Своеобразная хроника «красного человека», которую от книги к книге ведет Алексиевич, интересна для европейского читателя. Особенно того, кто знает о Советском Союзе лишь понаслышке. А в книгах Светланы раскрываются многие явления советской жизни, важные психологические особенности советского человека. Почему он стал именно таким? Как события XX столетия – революция, гражданская война, сталинизм, ГУЛАГ, Вторая мировая война, Афганистан, Чернобыль, перестройка и её последствия – влияли на жизнь «маленького» человека в СССР? И почему переход в России к новому обществу оказался таким трудным и мучительным?

Людмила Улицкая рассказывает, на первый взгляд, о том же. Но её акцент – на противостоянии отдельного человека бесчеловечной государственной системе. Её герои часто маргиналы, изгои, являющиеся своеобразным противовесом «рядовому

Людмила Улицкая и Ганна-Мария Браунгардт. Германия, 2012 год

советскому человеку». Поэтому из её книг можно узнать о другой, противоположной официальной, стороне жизни в Советском Союзе. При этом о своих героях Людмила пишет с большой любовью и с доброй иронией – вот почему её произведения мне особенно близки...

Среди студенческих фотографий, которые фрау Браунгардт переслала мне из Германии, оказалась одна, на которой Ганна-Мария запечатлена с подругами по студенческой группе. Там были и знакомые мне лица – Ира Фурман, Наталья Золототрубова, Женя Коломиец... Ганна-Мария пояснила: «С Ирой (которая уже не Фурман, а Хуциева) я виделась не раз: и в Германии, и в Москве. А с Наташей Золототрубовой дружу по сей день: мы с ней общаемся по скайпу, а пару раз она даже приезжала ко мне в Берлин. Остальных я видела в последний мой приезд в Воронеж, в 2000 году. Это, конечно, давно. Но надеюсь ещё как-нибудь приехать...»

Мы тоже на это надеемся, Ганна-Мария!